

Тарагара Ю. С. (Екатеринбург, УрГПУ)

***Национальная специфика как основа воспитания
(на примере рассказов цикла «Детство Чика» Ф. Искандера)***

Аннотация. В статье рассматривается понятие «национальная специфика» и выявляется её роль в процессе воспитания в цикле рассказов «Детство Чика» Ф. Искандера.

Ключевые слова: национальная специфика, воспитание молодежи, национальные традиции, литературные герои, рассказы, русская литература, русские писатели, литературное творчество.

Tarahara Yu. S. (Yekaterinburg, USPU)

***National Specific as a Basis of Upbringing
(«Chik's Childhood» by F. Iskander)***

Abstract. In the article the concept of «national specific» is considered on the material of F. Iskander's cycle «Chik's Childhood». The author analyses its role in the process of upbringing.

Keywords: national specifics, youth education, national traditions, literary heroes, stories, Russian literature, Russian writers, literary work.

Понятие «национальная специфика» в современном литературоведении является «сложным и многосоставным явлением» [Цюколия 2014: 29]. Национальная специфика включает в себя особые черты нации, а также обычаи, традиции, язык, систему ценностей того или иного народа.

Особый интерес в XX веке вызывает у писателей понятие «национального», связанное в том числе с изображением национального идеала. Исключением не стало и творчество Ф. Искандера: в цикле рассказов «Детство Чика» национальная тематика занимает центральное место.

Ф. Искандер, будучи певцом Абхазии, изображает в своих произведениях солнечную страну, которая отличается неповторимым миром природы: спелыми фруктами, виноградом, инжи-

ром, ласковым солнцем, прекрасными розами – и особыми традициями, которые и отражены автором в рассказах.

Интересно изображена действительность у Искандера. Особенность её изображения заключается не только в том, что окружающий мир воспринимается читателем сквозь призму взгляда ребёнка, но и в том, что всё у писателя имеет отчетливый национальный колорит. Традиции являются основой воспитания героев. В процессе следования обычаям (или отстранения от них) раскрывается внутренний мир героя, прослеживается эволюция его характера.

Рассмотрим, какова роль национальной специфики в воспитании героя произведения, обратившись к рассказам «Чик читит обычаи», «Чик на охоте» и «Чик идет на оплакивание».

В различных рассказах цикла Чик приходится сталкиваться с традициями. Например, в рассказе «Чик читит обычаи» – с традициями гостеприимства. Произведение строится на знакомстве Чика с чегемским миром. Несмотря на то, что мальчик неоднократно бывал в деревне, эта поездка становится для него особенной, поскольку раньше «он был маленький» и можно было не следовать принятым правилам, а сейчас, по словам мамы Чика, «стыдно не соблюдать обычаи».

Какие же именно традиции следует соблюдать Чик и получается ли у него это? Сюжет рассказа строится на том, что в абхазском доме гость на приглашение к столу должен отказываться два раза, а на третий соглашаться. Чик, следуя традициям, так и делает, однако остается голодным. Главный герой возмущен тем, что жители деревни сами нарушают обычаи, но в итоге понимает, что они делают это не специально. Тетя Нуца просто из-за занятости и большого количества детей в доме перепутала, кто из детей поел, а кто нет. Дядя Сандро – из-за желания рассказать Чикку свою историю. И только в доме тети Маши Чикку предлагают поесть трижды, но не из-за следования обычаю, а из-за почитания главного закона гостеприимства, суть которого заключается в искренней радости гостю.

В прозе Искандера воссоздан «пиршественный аспект карнавального гротеска» [Липовецкий: электронный ресурс]. В «Детстве Чика» мы можем видеть сцены пиров и застолий, которые, с точки зрения Г. Д. Гачева, являются особенностями грузин-

ского логоса. Прав автор «Национальных образов мира» в том, что в приёме пищи у абхазцев отражается национальное. Например, на столе во время обеда у дяди Сандро мы видим такие блюда: мамалыгу (круто сваренную кукурузную кашу), густое ореховое сациви (грузинский соус), аджику, а также изобилие мяса и овощей.

За подобным описанием пира героев рассказа скрывается глубокий смысл. Во время застолья осуществляется разговор между дядей Сандро и Чиком. Великий тамада рассказывает юному герою о своей жизни. История об абреке, находящаяся на грани выдумки (это подтверждает реакция тети Кати, она неоднократно «подаёт Чикю тайные знаки, чтобы Чик не верил его [дядюшкиному] рассказу» [Искандер 2016: 609]), влияет на Чика вовсе не так, как задумано было дядей Сандро. Герой, вопреки пафосу рассказчика, испытывает к разбойнику жалость: «Чикю все-таки было жалко этого злосчастливого абрека» [Искандер 2016: 624], которого из «сладкого чувства мести» безжалостно убивает дядя Сандро. «В доме, который тебя приютил, иголку тронуть нельзя» – именно этому закону следует дядя Сандро в своих убеждениях. Неоднозначным становится следующий момент: почему тогда герой соблюдал обычаи, а сейчас отказывается от почитания традиций, подкрепляя их следующим: «Чик – городской мальчик. Захочет есть – сам сядет к столу без наших церемоний» [Искандер 2016: 608]? Объяснение такому поведению героя есть: дядя Сандро – «плут» [Липовецкий: электронный ресурс]. И Чик понимает это, поэтому отчасти скептически относится к рассказу дяди, замечая в его поведении элемент театрализации (Чик следит за происходящим за столом, как зритель в театре).

Описание богатого стола дяди Сандро неслучайно: происходит превращение материального в духовное. Обед – это не просто «насыщение», это «тайнство» [Гачев 1999: 308]. Может быть поэтому для дяди Сандро не так важно, будет Чик есть или нет, для него куда значимее рассказать Чикю свою историю («...он небось хочет послушать что-нибудь из того, что случилось со мной», – говорит герой о своем госте). Дядя Сандро так «увлекся своим рассказом, что перестал есть, и косточки перестали лететь в пасть собаки» [Искандер 2016: 615].

Искандер, изображая кавказский характер, уделяет внимание портрету героя. Очень ярко отразился национальный дух в портрете дяди Сандро, данного глазами Чика.

В портрете дяди Сандро раскрывается его сильный характер, жажда жизни. Например, он ест «шумно причмокивая», «ломаю зубами куриные кости и высасывая из них костный мозг» [Искандер 2016: 609]. В тексте сказано: собака «перегрызала их и причмокивала при этом не хуже дяди Сандро» [Искандер 2016: 609]. О сближении образа дяди Сандро с животным началом говорит и такая деталь, как крепость его зубов, которая «не уступала клыкам собаки», а также глаза, индивидуально-типическая черта героя, которые «делались невероятно свирепыми, словно у хищника, который разрывает живую дичь» [Искандер 2016: 615]. Кроме того глаза, «большие голубые», «довольно выразительные», но для Чика «чересчур выпуклые», отражают характер дяди Сандро, живой и эмоциональный.

Взгляд Чика останавливается на одежде дяди Сандро, которая является воплощением широкой души дядюшки, его принадлежности к своему народу. Действительно, крестьянская сатиновая рубашка, подпоясанная тонким кавказским ремнем, темные брюках-галифе и мягкие черные чуваки – чисто национальный костюм народов Кавказа. Этот образ дополняет описание телосложения дяди Сандро («мощные плечи»), его лица, «правильного и довольно красивого» [Искандер 2016: 615], изогнутых вниз седоватых усов – неотъемлемой черты настоящего джигита.

Портрет дяди Сандро в рассказе появляется неслучайно: автор хочет сказать о том, что внешность героя соответствует образу джигита, который сформировался в сознании Чика, однако поведение дядюшки не нашло одобрения у Чика, хоть оно и считается правильным в отношении всех обычаев и традиций.

Образ джигита остается значимым в цикле рассказов. Его национальная основа более подробно разворачивается в рассказе «Чик на охоте». Сюжет произведения прост: главный герой рассказа отправляется на охоту. Чик следует давним традициям: словно джигит, он хочет проявить свои лучшие качества. Герой, еще не отправившись на охоту, замечает, что проникся охотничьим суеверием («Чик перечитал написанное, и ему показалось,

что он напрасно хвостанул перепелками. Он почувствовал, что это нехороший признак» [Искандер 2016: 442]).

На охоте Чик встречает двух охотников, которые кажутся мальчику добрыми. В одном из эпизодов мы видим, как Чик реагирует на убийство перепелки: «Чик содрогнулся от ужаса и возмущения». Мальчик надеется, что «со временем и он привыкнет и не будет придавать этому значения» [Искандер 2016: 480]. Однако всё складывается другим образом. История про Миху и его ворона, включенная в рассказ «Чик на охоте», влияет на дальнейший ход событий. Являясь важным звеном в сюжете, история, рассказанная охотником, производит впечатление на героя, а затем становится предметом его размышлений.

Кроме того, вставной эпизод выполняет идейную функцию: его содержание отвечает главной авторской мысли. Искандер поднимает в данном рассказе не одну нравственную проблему: важными здесь становятся проблемы эгоизма, судьбы, мести, но среди центральных – проблема проявления сострадания к живому существу.

Г. Д. Гачев в своей работе выделяет некоторые качества джигита: к ним он относит неиссякаемую энергию, удачу, «кипящую» [Гачев 1999: 270], но в то же время честь, сопряженную с мстостью, неспособность прощать обиды. Чик не укладывается в эти рамки. Он «примиряется» с потерей стрелы, а ранив голубя на охоте, не представляет себе, как его можно зажарить. Он думает о том, чтобы приручить голубя. Мысли Чика не наполнены эгоистическими устремлениями: мальчик желает голубю свободы, мирного счастья. «Пусть живут, пусть наживают деток, пусть его голубь иногда улетает, а иногда прилетает. Чик был уверен, что в один прекрасный день голубь навсегда прилетит к нему во двор со своей подружкой и голубятами» [Искандер 2016: 487].

Таким образом, Чик, осмысляя традиции джигитства, приходит к выводу о том, что джигит, несмотря на стойкость и силу, не всегда обладает положительными качествами. Финал рассказа заставляет читателя понять, с каким состраданием и любовью Чик относится к живым существам. Мальчик с теплом и заботой говорит о голубе, что доказывают и последние слова рассказа: «Он [голубь] как-то подобрался и уперся коготками в ладонь Чика. А до этого не

упирался. А тут уперся коготками в ладонь Чика, уперся, поерзал, уперся, поерзал, как будто проверял Чика, отпустит он его или нет. Поверил и взлетел» [Искандер 2016: 488]. Автор, раскрывая чувства героя, передаёт идею рассказа: «длинный сказочный охотничий день» меняет жизненные ориентиры героя. Теперь он не движим желанием стать джигитом, для него куда важнее быть просто тем, кто ценит в жизни счастье и свободу.

Ещё одним рассказом цикла, в котором поднимается проблема значимости традиций в воспитании, становится «Чик идет на оплакивание». Автор помещает героя в ситуацию, которая требует от Чика поступков более взрослых. Это не урок в школе, не постановка спектакля, не ловля собаколова, и даже не охота, это похороны человека («Чик никогда не ходил на оплакивание умерших. Это было то счастливое время, когда еще никто из близких и даже знакомых не умирал. Умирили чужие» [Искандер 2016: 516]).

На похоронах Чикуну нужно следовать обычаю – поцеловать усопшую в лоб и плакать, стоя у гроба. Чик понимает, что сделать это искренне у него не получится, ведь тетя Циала не была для Чика близким человеком. Чик не согласен с данным обычаем: он не понимает, почему скорбь должна подкрепляться официальной стороной обычая?

Похороны тети Циалы заставляют Чика задуматься о том, что раньше ему и не приходило в голову: «Его вдруг осенила леденящая догадка...» [Искандер 2016: 520]. Оказываясь в «пограничном состоянии», Чик задумывается над вопросами ценности жизни, судьбы и устрашающей силе времени. Выходящие на первый план философские вопросы позволяют и нам сделать вывод о влиянии национальной специфики на процесс нравственного воспитания личности.

Действительно данный рассказ является ключевым в становлении характера героя. Здесь в наибольшей степени проявляется его взрослость. Искандер подчеркивает важную мысль: ребёнок способен находить ответы и на вечные вопросы. Сталкиваясь с жизнью, он понимает главное: истинные ценности – это не то, что закреплено в обычаях и ритуалах, а то, к чему человек приходит сам. Однако обычаи, несмотря на свой официальный характер, подвергаясь осмыслению, помогают ребёнку найти ответы на вопросы о ценности и смысле жизни.

Литература

1. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира. Евразия – комос кочевника, земледельца и горца. – М.: Институт ДИДИК, 1999. – 368 с.
2. *Искандер Ф.* Кролики и удавы. Созвездие Козлотура. Детство Чика: Притча. Повесть. Рассказы. – Москва: Издательство «Э», 2016. – 640 с.
3. *Липовецкий М. Н.* «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера [Электронный ресурс]. – URL: http://apsnyteka.org/2523lipovetsky_m_znamenitoe_chegemskoe_lukavstvo.html (дата обращения: 02.04.2018).
4. *Цколия К. Р.* Национальная специфика и ее художественное воплощение в творчестве Фазиля Искандера: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2014. – 176 с.